

АНАТОЛИЙ ШАЛАГИН

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Анатолий Шалагин

Между Сциллой и Харибдой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25724978

ISBN 9785448566400

Аннотация

Книга рассказывает о работе советской внешней разведки, направленной на формирование антигитлеровской коалиции. В центре повествования сотрудник ИНО НКВД Исхак Ахмеров, внесший большой вклад в вовлечение США в войну на стороне СССР.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Между Сциллой и Харибдой

Анатолий Шалагин

© Анатолий Шалагин, 2017

ISBN 978-5-4485-6640-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пасмурным утром 13 февраля 1939 года к запасным путям Берлинского вокзала маневровый паровоз подтянул два бронированных вагона. Прибытие этого небольшого состава вызвало бурное оживление среди присутствующих на перроне. Сотрудники СС, выставленные заблаговременно в оцепление, приняли положение «смирно», и даже натренированные овчарки, видимо, поняв важность происходящего события, сели на покрытый инеем асфальт и прекратили лаять.

От группы встречающих официальных лиц отделилась сутулая фигура мужчины, который в парах локомотива замер в позе низкого поклона. Лязгнула дверная щеколда, и на подножке вагона появился человек, чьё имя вызывало благоговейный трепет у миллионов людей, живущих на громадной территории от Японских островов до Малайи. Это был

японский принц Ито – магистр тайного общества «черных драконов», основанного в 1878 году Мицуру Тоямой – монахом, собравшим вокруг себя офицеров для борьбы против «западной» парламентской системы и замены её в Японии диктатурой военных, властью самураев. Меньше чем за год «черные драконы» стали самым могущественным тайным обществом Японии. Начиная с 1880 года, им удавалось оказывать решающее влияние на любое политическое событие в стране. Теперь «драконы» принимали участие в новом разделе сфер влияния в мировых масштабах. Именно поэтому тайную дипломатическую миссию в Берлин возглавил принц Ито.

Принц быстро спустился по ступенькам на перрон и лёгким касанием руки дал понять стоящему в поклоне человеку, что ему можно поднять глаза на его царственную особу. Посол Японии в Берлине Хироси Осима, а это именно он стоял в поклоне перед вагоном, выпрямился и гортанно поприветствовал принца. Ито сразу двинулся к стоящим неподалёку лакированным лимузинам, одарив лишь лёгким кивком головы встречающих его высокопоставленных чиновников третьего рейха. Тем оставалось только подивиться высокомерию гостя.

– Азиат, кажется, не понял, где он находится – с язвительной усмешкой в полголоса сказал статс-секретарь министерства иностранных дел Германии фон Вейцзекер стоящему рядом штандартенфюреру СС Хильке.

– Когда-нибудь мы заставим этих обезьян уважать Германию – злобно прошипел эсэсовец.

Наскоро рассевшись по машинам, и гость, и встречающие его лица направились в замок Бельвю, где японского принца ожидал рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер.

К началу 1939 году на политической арене мира начал отчетливо формироваться военно-политический альянс, который позже историки назовут «осью Рим-Берлин-Токио». Воедино сошлись геополитические интересы гитлеровской Германии, фашистской Италии и императорской Японии. Для прикрытия своих милитаристских планов по разделу мира эти державы пользовались опробованным методом. Они провозгласили себя главными борцами с «коммунистической заразой». В этой игре политической терминологии страны «оси» явно, а чаще тайно, поддерживали державы, считавшие себя оплотом демократии. Это, главным образом, касалось Англии, Франции и США. Руководство этих стран всеми силами пыталось направить агрессивные планы антикоминтерновского союза, а именно так себя именовали государства «оси», против СССР.

За такой политикой тайного натравливания агрессоров стояли не только и не столько идеологические мотивы, но, и это было главным, стремление сохранить свои колониальные интересы в мире. Высшему политическому руководству Англии и Франции, как никому другому, было понятно, что

для расширения своего жизненного пространства агрессорам потребуются территории английских и французских колоний. А их было немало как на азиатском, так и на африканском континентах.

Правительство США тоже было заинтересовано в том, чтобы «столкнуть лбами» СССР и страны «антикоминтерновского пакта». Расчёт такой политики был прост. Пусть воюющие ослабят друг друга в боях, а США тем временем, проводя политику мнимого нейтралитета, окрепнут после крупномасштабного экономического кризиса и тогда уже начнут вмешиваться в дела как победителей, так и побеждённых. Политики США были уверены в том, что пока в Европе и Азии будут идти войны, а в их неизбежности уже никто не сомневался, американцы могут спокойно «отсидеться», будучи отделёнными от театра боевых действий двумя океанами.

Сенатор Г. Трумэн, будущий президент США, публично заявлял: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». В своих идеях Трумэн был не одинок. Министр авиационной промышленности Англии Д. Мур-Брабазон рассуждал: «Пусть Германия и СССР истощают друг друга, в конце войны Англия станет хозяином положения в Европе».

Нужно признаться, что эти две фразы будут произнесены

через два года, вскоре после нападения Германии на СССР. А пока мир балансировал на грани мира и войны. Но чаша весов все больше и больше склонялась к войне. Уже позади были аншлюс Австрии, реализованный план Z, больше известный под названием «Мюнхенский сговор», японское вторжение в Китай...

Гитлер не мог сдержать своего раздражения. Он соскочил со своего места за столом переговоров и разразился тирадой, тыча пальцем в карту мира, висящую на стене. Переводчик принца Ито едва успевал шептать в ухо своего патрона слова фюрера.

– Неужели вы там, в Японии не понимаете – почти кричал Гитлер – что помимо русских у вас ещё есть враги. Англия и Франция никогда не отдадут императору Индокитай. Вы сунетесь в Сибирь, а в тыл вашей армии ударят корпуса англичан и французов. А там и янки не заставят себя долго ждать. Мы должны вместе решать эти проблемы, Германия и Италия – в Европе, а Япония – в Азии...

Принц кивал своей бритой головой и улыбался. Эта идиотская, по мнению Гитлера, улыбка «заводила» фюрера ещё больше.

– Вы отстали от жизни, цепляясь за меморандум Танаки¹.

¹ Меморандум Танаки – секретный доклад по вопросам внешней политики Японии, представленный в 1927г. премьер-министром генералом Танакой японскому императору, предусматривал широкую экспансию Японии в Китай и содержал открытый призыв к нападению на СССР.

Мир, благодаря великой Германии, уже изменился...

Гитлер заметил выражение лица своего министра иностранных дел Риббентропа, который присутствовал на переговорах, и понял, что сказал что-то лишнее. Он знал, Риббентроп понимает в премудростях внешней политики больше него, поэтому осёкся и, замолчав, сел на своё место.

А осечка была из-за чего. Гитлер в порыве сболтнул важную для японцев информацию. Принцу невольно дали понять, что содержание совершенно секретного меморандума Танаки стало известно немцам, хотя в своё время сам Гитлер заверял японское руководство, что Германия не ведет против Японии, как своего ближайшего союзника, разведывательной деятельности.

Заминка не ускользнула от внимательных глаз принца Ито. Продолжая улыбаться, он сказал:

– Мы понимаем вашу озабоченность, господин канцлер. Император и правительство Японии рассмотрят ваши предложения, но, на наш взгляд, пока следует подписать соглашение между Германией и Японией, направленное исключительно против России, а вопрос о взаимодействии против Англии, Франции и США отложить на более позднее время.

По лицу Гитлера пробежала судорога. Риббентроп, опасаясь нового всплеска эмоций фюрера, поторопился заявить:

– Давайте обсудим детали этого соглашения завтра, а пока нас ждет ужин.

Все присутствующие были рады взять тайм-аут. Взаимная

неуступчивость утомила обе стороны. Все дружно поднялись из-за стола переговоров, и перешли в соседний зал, где под музыку Сальери в исполнении квинтета музыкантов должен был состояться дипломатический ужин.

За столом Гитлер, чувствуя ещё свою неловкость за недавний конфуз, решил оставить разговоры о политике.

В последнее время канцлера не меньше чем предстоящая война интересовал вопрос о расовом превосходстве арийской нации перед другими народами. Но говорить об этом с японцем, который хотя и был царских кровей, но всё же принадлежал к «жёлтой», более низкой, по мнению Гитлера, расе, было не с руки. Наводнившие в последнее время Берлин теоретики расового превосходства доказывали, что праотцами арийцев были легендарные атланты и лемурийцы, некогда жившие в Тибете. Там, в заоблачных вершинах, находилась легендарная Шамбала с ее знаменитым монастырем Гаругем, где, якобы, и хранились доказательства тибетских корней арийской расы. Кроме того, монахи Гаругема могли знать секрет вечной молодости, а фюрер мечтал править пусть не вечно, но долго.

Японцы находились к Тибету ближе, чем Германия. Поэтому Гитлер очень хотел заручиться поддержкой японских властей при отправке научной экспедиции в Тибет.

Германская разведка, успешно работающая как против врагов рейха, так и против его союзников, докладывала в Берлин помимо прочего и информацию о планируемой

Японией военной операции в Тибете. Было не исключено, что тайное общество «черных драконов» имело определенные контакты с тибетскими ламами. О чем они договаривались, для Гитлера оставалось загадкой. И это его пугало.

Будучи от природы человеком мнительным, канцлер всегда восхищенно относился ко всякого рода тайным обществам, священным обрядам и ритуалам. Может быть, поэтому многие нацистские партийные мероприятия были больше похожи на грандиозные спектакли с использованием, как сегодня принято говорить, спецэффектов.

Гитлер все никак не мог начать разговор о волнующей его теме. Он искал удобного момента, но его все не было. Поэтому говорили о сакуре, о Фудзияме, о мощных цунами, которые обрушивались на Японские острова. Повод для начала нужного канцлеру разговора дал сам принц Ито. После того, как официанты разлили по бокалам коктейль, состоящий из ликера Куантро, лимонного сока и коньяка Ритц 1830 года, японский гость встал из-за стола и преподнес фюреру подарок императора. Это был древний самурайский меч. Принц взял в руки бокал и произнес тост:

– Пусть это великое оружие принесет господину канцлеру и Германии великую победу!

Подарком Гитлер остался доволен. Поблагодарив принца за столь щедрый подарок, он попросил его рассказать о самураях...

Ужин закончился далеко за полночь. Гитлер ликовал. Пусть он не договорился с японцами о военном взаимодействии против всех врагов, а только против России, но принц Ито гарантировал полную поддержку «черных драконов» германской научной экспедиции, которая должна была отправиться в Тибет. « Об англосаксах договоримся позже – размышлял он – зато скоро великие секреты Шамбалы будут открыты и поставлены на службу рейху».

По мраморной лестнице фешенебельного вашингтонского отеля «Эмбаси сьютс» спускался стройный, элегантно одетый мужчина, источающий запах дорого парфюма. Он был в той поре мужской зрелости, когда ему на вид можно было дать и 50, и 60 лет. Его седеющие прямые волосы, зачёсанные назад, были ещё достаточно густы и свидетельствовали о том, что их обладатель в молодости имел густую шевелюру. На свежесбритом лице красовались пышные усы, тоже седеющие, но по-молодецки закрученные вверх.

В вестибюле отеля мужчина поздоровался с консьержем и положил на стойку ключ от своего номера.

– Джон, для меня почты не было? – спросил он.

– Нет, мистер Карлайн, пока ничего не было – улыбаясь, ответил консьерж.

– Как там сегодня погода?

– Замечательная, сэр. По радио передали 48 градусов², до-

² 48 градусов по Фаренгейту = 9 градусов по Цельсию.

жда не ожидается.

– Да? А я с собой зонт прихватил.

– Так оставьте его здесь, а когда вернетесь – заберете.

Мужчина на мгновение задумался, а потом ответил:

– Да нет уж. Этим синоптикам только верить. Обещают солнце, а попадешь под дождь.

– Это точно, мистер Карлайн. Синоптики как саперы, ошибаются один раз, но каждый день.

Рассмеявшись удачной шутке консьержа, мужчина направился к выходу. Чернокожий швейцар в парадной ливрее открыл перед ним дверь, и мужчина оказался на улице.

В Вашингтоне наступила пора весеннего пробуждения природы. По узким улочкам дружно бежали ручейки, в кронах проснувшихся деревьев щебетали птицы. В скверах в поисках проросших желудей в прошлогодней листве копошились многочисленные белки. Неслучайно, наверное, именно на эту пору приходилось празднование в США Дня Святого Валентина, который отмечался сегодня, 14 февраля.

Целью «прогулки» Кэвина Карлайна, а именно под этим именем в американской столице неделю назад появился сотрудник иностранного отдела НКВД СССР Иван Владимирович Верещагин, была площадь Дюпона, где должна была состояться его встреча с резидентом советской нелегальной разведки в США, проходившим в оперативной документации центра под псевдонимом «Юнг». И хотя место встречи

находилось всего в двадцати минутах ходьбы по улице N³, Карлайн повернул в противоположную сторону, к площади Вашингтона. Этого требовали правила конспирации. Дойдя до величественного памятника первому американскому президенту, Верещагин перешел на Пенсильвания авеню и направился к Белому Дому.

Праздник всех влюбленных был в самом разгаре. Из дверей многочисленных кафе раздавалась музыка Уильяма Хэнди и Желли Мортон. Вместе с музыкой на улицу попал и аромат жареного кофе.

На каждом шагу Карлайну попадались большие и маленькие группы молодых людей, которые громко смеялись от переполняющего их счастья. У многих на груди были прицеплены красные картонные сердечки и голубки. «Влюбленные, наверное, одинаковы во всех уголках света – думал Карлайн, сам невольно улыбаясь смеющимся молодым людям- Так же смеются влюбленные и в России, и в Китае, и в Германии. Может быть, они от того и счастливы, что пока еще молоды и не знают, что счастье – очень хрупкая вещь, которое может быть разрушено в одну минуту?»

Размышляя обо всем этом, Карлайн дошёл до 17-ой улицы и остановился на трамвайной остановке. Он пропустил два трамвая, идущих в сторону площади Дюпона, а когда

³ Вашингтон имеет четкую прямоугольную планировку, параллельные улицы обозначаются римскими буквами, а перпендикулярные- цифрами; от Капитолийского холма в виде лучей расходятся несколько широких авеню (Ньюджерси авеню, Пенсильвания авеню и др.)

третий трамвай уже тронулся, Карлайн заскочил на подножку, отметив при этом, что никто его примеру не последовал. Значит, «хвоста» не было. Собственно пока слежки вроде бы и не должно было быть. В Америке он впервые. Прямых контактов с советской агентурой у него пока еще не было, а респектабельный английский бизнесмен с подлинными документами и визами, тремя днями раньше поднявший на Арлингтонском кладбище на могиле «своего дяди» Сэма Карлайна записку с указанием места и времени сегодняшней встречи, вряд ли мог привлечь внимание американских спецслужб. Но осторожность в разведке лишней не бывает. Поэтому Карлайн вышел из трамвая, не доехав одной остановки до площади Дюпона, и зашел в антикварную лавку на улице М.

Поздоровавшись со стареньким продавцом-евреем, он попросил показать ему монеты, которые имелись в продаже. Продавец извлек из витрины весьма богатую нумизматическую коллекцию. Карлайн, понимающий толк в старинных монетах, стал внимательно разглядывать раритеты. Делал он это не только ради интереса, но и для того, чтобы потянуть время. На площади он должен был появиться за 15 минут до назначенной встречи. Наконец, выбрав серебряный доллар 1874 года, он рассчитался с продавцом и вышел на улицу.

Было заметно, что в сторону площади Дюпона двигалось большое количество людей. И это было связано не с празднованием Дня Святого Валентина, а с тем цирковым представ-

лением, которое должно было начаться в громадном шатре на площади Дюпона через полчаса. Изюминкой этого циркового шоу было выступление Пауло Пинона, который от природы имел один существенный физический дефект и теперь стал зарабатывать на публичной демонстрации этого дефекта солидные деньги. Ажиотаж вокруг этого уродства был весьма значительным. Всем хотелось посмотреть на... вторую голову Пауло. Собственно, исходя именно из этого ажиотажа, Юнг и назначил место и время встречи со связным из центра. В такой толпе было легче затеряться.

Карлайн влился в людской поток,двигающейся в сторону площади Дюпона и вскоре оказался на месте.

Он остановился у афишной тумбы, разместившись так, чтобы его было незаметно со стороны улицы, достал из кармана пачку «Мальборо» и закурил. До назначенной встречи оставалось ровно 15 минут. Пока можно было осмотреться. Народ все прибывал и прибывал. По-праздничному одетые люди покупали на входе в цирковой шатер программки и пакетики попкорна и торопились занять свои места в амфитатре.

На противоположной стороне улицы внимание Карлайна привлекла одна пара. Он был уже не юн, о таких в былые времена говорили «не юноша, но муж». В петлице стильного пиджака мужчины красовалось красное сердечко. Рядом с ним под руку шла эффектная светловолосая девушка. Парочка о чем-то весело разговаривала и смеялась. Эти двое

мало чем отличалась от других влюбленных пар, которые были в этот теплый весенний вечер повсюду. Узковатый разрез глаз и смуглая кожа выдавали в молодом человеке потомка китайцев или японцев, некогда перебравшихся на американский континент и «переварившихся» в многонациональном американском котле. Между тем, таких предков в родне молодого человека никогда не было. Он был чистокровным... татарин, рожденным в далеком старинном уральском городке Троицке. Это был Исхак Абдулович Ахмеров, тот самый Юнг, встречи с которым дожидался Верещагин.

«Во, дает! Неужели он меня засветит перед этой девочкой? А может это очередной спектакль, на которые Юнг всегда был способен?» – подумал Карлайн. Его восхищали артистические способности этого парня еще с тех времен, когда они вместе работали в Китае. Однажды в Поднебесной артистизм Юнга спас им обоим жизнь. И, наверное, в немалой степени актерский талант Ахмерова способствовал тому, что здесь, в Америке, за короткий срок была создана весьма эффективная сеть разведчиков-нелегалов с которой, сами того не подозревая, сотрудничали весьма влиятельные люди. Верещагин об этом знал, но опасение быть засвеченным его не покидало.

А парочка меж тем остановилась у газетного киоска. Девушка заботливо и... нежно поправила Юнгу галстук и сердечко в петлице, совсем по-детски встала на цыпочки и, чмокнув его в щеку, развернулась и быстрым шагом зашага-

ла на трамвайную остановку. А он стоял и смотрел ей в след. По его лицу блуждала счастливая улыбка. Девушка, заскочив в подошедший трамвай, махнула ему рукой. От чего Ахмеров ещё больше стал улыбаться.

Вся эта сцена не ускользнула от внимательного взгляда Верещагина. «Неужели он влюбился!? – подумалось ему – Этого еще не хватало. При его-то работе и риске. Хорошо, если эта девчонка не связана с американской разведкой. Но какой риск для них обоих!»

Трамвай, звякнув на перекрестке, повернул на Массачусетс авеню и скрылся за поворотом. Юнг, постояв еще мгновение, достал из кармана свежий номер журнал «Тайм» и, держа его в правой руке, направился к чугунному столбу, на котором часы показывали без 5 минут 5 после полудня.

Верещагин, как и было оговорено в записке, сунул под правую руку такой же номер журнала «Тайм», и, держа в левой руке зонт, направился навстречу Юнгу. Эти «маркеры» были знаком, что опасности нет. «Хвоста» не было и за Ахмеровым. В этом Верещагин сам убедился, наблюдая со стороны «сцену прощания влюбленной парочки».

Они встретились там, где и договаривались. На лице Юнга просияла «удивленная» улыбка. Он воскликнул радостно:

– Мистер Карлайн!

– О, Билли, рад тебя видеть – отозвался связной.

Обоим очень хотелось обняться. Но здесь не Москва, а Вашингтон. У американцев не принято бурно проявлять

свои эмоции. Поэтому разведчики ограничились крепким рукопожатием.

– Вы тоже в цирк?

– Да, вот решил взглянуть на этого уroda.

– Тогда нужно поторопиться, через две минуты начало.

– Да, побежали. Как твоя учеба, малыш? – на ходу спрашивал «заботливый знакомый родителей студента Колумбийского университета»

– Все о'кей. Как поживает тетя Пэтти?

– Тоже ничего, только побаливать стала.

Болтая обо всем этом, мужчины вошли в уже темный зал. Билетер, взяв у них билеты, показал им свободные места. Пара запоздавших зрителей, шепотом извиняясь за причиняемые неудобства перед публикой, уже занявшей свои места в зале, протиснулась на два свободных места в двенадцатом ряду.

А на сцене началось представление. Сменяя друг друга, на арене выступали акробаты, клоуны, дрессировщики со своими мартышками и собачками...

В темноте Верещагин расстегнул зонт и положил его между собой и Юнгом.

Публика хохотала над очередным приколом клоунов. А в это время рука Юнга извлекла из зонта тонкую металлическую трубку. Молодой человек тоже смеялся над клоунадой и «нечаянно» уронил журнал «Тайм» на пол. Он наклонился за журналом, и металлическая трубка оказалась плот-

но зажатой под штаниной. Выпрямившись, молодой человек сказал Карлайну:

– Вон та толстая клоунесса похожа на нашу соседку Синди. Такая же неуклюжая и ворчливая.

– О, точно. А я все думал, на кого она похожа – ответил связной, в очередной раз восхищаясь артистизмом Юнга.

А меж тем ведущий объявил о выходе на сцену Пауло Пинона. Зал замер в ожидании. Из-за занавеса выехала повозка, запряженная осликом. В повозке восседал «индийский паша» с большим тюрбаном на голове. «Паша» начал молотить всякую чушь в стихотворной форме. Дрессированный осел начал громко кричать, давая, видимо, понять «поэту», что все его стихи – ерунда.

– Да, что-то я говорю не то – согласился Пауло – Видимо, одной головы мало, чтобы написать поэму.

Он начал разматывать свой тюрбан, и изумленной публике явилась вторая

голова Пауло. Она «сидела» на макушке своего хозяина.⁴ Зал ахнул. А «голова» щурилась под лучами софитов, а потом, видимо, привыкнув к яркому свету начала тарашиться на зал вполне осмысленным взглядом.

⁴ Существование такого редкого уродства – исторический факт. Оно относится к так называемым «тератомам» и развивается в следствии неполного разделения близнецов (не путать с сиаемскими близнецами). Частота встречаемости уродства- 1 случай на 1 млн. родов. Судьба таких инвалидов печальна. Организм «хозяина» умирает из-за гибели тератомы и развившегося вследствие этого заражения крови. Пуало П скончался в США в 1954 году.

Пауло начал декламировать «Песнь о себе» Уолта Уитмена. Читал он превосходно. Осёл радостно закивал головой, а «вторая голова»... начала зевать.

Зал рукоплескал. Люди соскакивали с мест и кричали «браво». Со своего места поднялся Юнг и крикнул: « Супер! Bravo!».

Это был сигнал Верещагину, контейнеры с фотопленкой, на которой было заснято с полсотни секретных документов, были спрятаны в зонте.

«И когда успел этот умница их туда засунуть?» – удивился Карлайн.

Представление закончилось. Публика расходилась, продолжая восторженно обсуждать только что увиденное.

Юнг вышел со своим спутником на улицу. Они медленно дошли до трамвайной остановки. Им многое нужно было сказать друг другу. Но место было неподходящим. Единственное, что спросил Карлайн, было:

– Ты жениться, Билли, не собираешься?

– Ой, мой трамвай идет – после минутного молчания сказал Юнг – потом все обсудим.

Он заскочил на подножку трамвая и весело крикнул:

– Рад был увидеться, дядя Кэвин. Передавайте всем привет.

– Удачи тебе, Билли! – Верещагин помахал рукой своему другу, которого трамвай уносил в ночной Вашингтон.

«Любовь нечаянно нагрянет...». Эти строки из утесовского шлягера 30-ых годов, как нельзя лучше, подходили для описания чувств, которые переполняли Юнга все последние месяцы.

Любовь, как обычно бывает, не спросила разрешения на свое появление. Она пришла внезапно, не выбирая ни места, ни времени.

Скоро ему стукнет 40 (по американскому паспорту ему было всего 30 лет), но так страстно он еще никогда не влюблялся. Собственно, влюбляться-то ему было и некогда. Его жизнь, полная тревог и скитаний не давала долго засиживаться на одном месте. Разве мог догадываться семнадцатилетней татарский юноша Исхак Ахмеров, работавший сразу после февральской революции приказчиком мануфактурной лавки в городе Казани, что за тридевять земель от Татарии, в Америке родилась его вторая половинка, которую он сам найдет за океаном через 20 лет?

Юнг прибыл в США в не самые лучшие времена для советской резидентуры. В 1934 году в Нью-Йорке при таинственных обстоятельствах погиб советский резидент-нелегал Валентин Маркин. По единственной официальной версии⁵ он стал случайной жертвой очередной гангстерской раз-

⁵ Советский разведчик Вальтер Кривицкий, ставший в 1937 году невозвращенцем, позднее вспоминал, что при беседе с руководителем внешней разведки СССР того времени А. Слуцким, последний назвал В. Маркина троцкистом. Из чего В. Кривицкий сделал вывод, что Маркин стал жертвой не гангстеров, а сотрудников НКВД. Но другими доказательствами этой версии автор не рас-

борки. После внезапной гибели Маркина работа резидентуры в США заглохла. Многие агенты, имевшие связь непосредственно с резидентом, попросту «потерялись».

Для восстановления работы разведчиков-нелегалов за океаном в США был направлен опытнейший разведчик Борис Яковлевич Базаров (оперативный псевдоним «Кин»). Он-то и встречал в Нью-йоркском порту апрельским днем 1935 года скоростной теплоход «Нормандия», на котором под видом студента Билла Грейнке, мечтавшего продолжить свое образование в Колумбийском университете, в Америку прибыл Исхак Ахмеров, за плечами которого уже были длительные командировки в Турцию и Китай.

А потом началась кропотливая работа по восстановлению порушенных и созданию новых оперативных связей. За короткий срок нелегальная резидентура в США смогла привлечь к работе⁶ немало ценнейших агентов, которые имели доступ к самым большим тайнам американского правительства. Полученная Центром информация имела колоссальное значение, для понимания высшим политическим руководством СССР процессов, происходящих не только в США, но и во всем мире, так как нередко разведчики передавали

полагает.

⁶ Следует отметить, что многие источники информации разведчиков-нелегалов в США никогда не были штатными сотрудниками НКВД, некоторые из них и не догадывались, что «работают» на советскую разведку. А те, кто знал, кому предоставляется информация, чаще всего сотрудничали с разведкой не за финансовое вознаграждение, а по своим идейным убеждениям.

в Москву засекреченные дипломатические материалы госдепартамента США, касающиеся стран «оси». От источника в окружении президента Рузвельта Юнг получал уникальную информацию о позиции правящих кругов США на кануне начала мировой войны.

В 1938 году Кин выхлопотал себе в Центре долгожданный отпуск. Уезжая из Америки, Базаров «оставил на хозяйстве» Ахмерова. Планировалось, что через два месяца резидент вернется. Но вскоре из Москвы пришла шифрограмма, в которой говорилось, что Кин отбыл в длительную командировку в другую страну и резидентом-нелегалом в США назначается Юнг. Тогда молодой разведчик не мог знать, что Борис Яковлевич Базаров по прибытию в Москву был арестован и обвинен в шпионаже в пользу Германии и Франции. Он также не мог догадываться и о том, что в связи с арестом резидента «тучи сгустились» и над всей нелегальной резидентурой в США...

А Юнг продолжал работать. «Хозяйство» было большим. В нелегальной

резидентуре в то время уже официально работало 6 человек. Информация поступала от 10 источников. Материалы лились сплошным потоком. Совместно с легальной резидентурой⁷ Юнг едва успевал обрабатывать полученные сведения и отправлять их в Центр. Нередко агенты, не имея

⁷ В те годы официальным резидентом советской разведки в США был Петр Гутцайт.

опыта разведывательной деятельности, старались скопировать и сфотографировать как можно больше секретных документов, чем ставили себя в очень опасное положение. Поэтому Юнгу приходилось тактично сдерживать искренние порывы новичков и учить их азам конспирации.

В первый год своего пребывания Юнг познакомился с молодой девушкой Хелен Лаури. Их знакомство не было случайным. Будучи убежденной коммунисткой, Хелен была рекомендована легальной резидентурой для привлечения её к сотрудничеству с разведчиками-нелегалами. Вскоре она стала фигурировать в оперативных материалах иностранного отдела НКВД под псевдонимом «Ада». Девушка оказалась смышленной. Начиная как содержательница одной из конспиративных квартир Юнга, Ада вскоре стала помогать ему и в оперативной работе. Она часто самостоятельно выходила на задания резидента, передавала секретные материалы в полпредство СССР в Вашингтоне, готовила документы для вновь прибывающих сотрудников нелегальной резидентуры...

Но однажды наступил момент, когда Юнг понял, что влюбился. Он стал замечать за собой «странности». То встречи с агентами назначались на квартире, которую содержала Ада, то, вдруг, испугавшись, что он подвергает девушку опасности, встречи переносились в другие места. Он стал беспричинно волноваться, если Хелен ненадолго задерживалась после очередного задания. Его стало раздражать, когда девуш-

ка, по его мнению, через чур громко смеялась, разговаривая с другими мужчинами. Он ревновал. Когда он это понял, Юнг испугался. Испугался и за себя, и за Аду. Он прекрасно понимал, что их ждет в случае провала. Несомненно, такому союзу не обрадовались бы и в Центре. Юнг гнал от себя «всю эту ерунду», но «ерунда» не отпускала. И тогда он решился признаться Хелен в своих чувствах. И каково же было его удивление, когда Ада после услышанного робкого признания, рассмеявшись, сказала: «Ну, наконец-то, я думала, ты никогда не решишься».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.